

Белорусский государственный университет

Кафедра теоретического
и славянского языкознания

**ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
В ИХ ИСТОРИИ
И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ**

Сборник научных статей

Минск
ИП Логвинов
2007

УДК
ББК
Ю

Рецензенты: Г. А. Цыхун, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; кафедра общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П. М. Машерова (заведующий – доктор филологических наук, профессор А. М. Мезенко).

Южнославянские языки в их истории и современном состоянии : сб. науч. ст. / Белорусский государственный университет ; под ред. Б. Ю. Нормана, Н. В. Супрунчука ; предисл. Б. Ю. Нормана. – Минск : ИП Логвинов, 2007. – 194 с. : ил. – 200 экз. – ISBN

ISBN

Ученые Беларуси, России и Германии исследуют различные аспекты южнославянских языков (лексику, грамматику, фразеологию), а также влияние Библии и старославянского языка на них. Рассматривается история славянских литературных языков и их положение в современной Европе; активно привлекается белорусский и русский материал. В основе сборника – доклады V Супруновских чтений (Минск, 22–23.09.2006).

Списки литературы – в конце статей.

Для филологов, славистов, интересующихся южнославянскими языками, этнолингвистикой, лингвогеографией, переводом.

Annotation in English is on page 194.

УДК
ББК

© Обложка, предисловие. Б. Ю. Норман, 2007.
© Кафедра теоретического и славянского языкознания БГУ, 2007.

ISBN

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глыбовская К. Профессор А. Е. Супрун как научный руководитель	6
Антропов Н. П. Традиционная картина мира в белорусско-болгарской этнолингвистической призме...	10
Верещагин Е. М. Духовная составляющая церковнославянского языка эпохи Кирилла и Мефодия и попытки ее устранить.....	19
Голяк С. В. Символика цвета животных в сербской и белорусской фразеологии	46
Иванов К. И., Семантика и функции нумеративов Супрун-Белевич Л.Р. в болгарской идиоматике	53
Коваль В. И. Фразеологизмы с компонентами <i>волк</i> и <i>заяц</i> в славянских языках	61
Ковш О. А. Реплики-повторы с семантикой недоверия в болгарском языке	68
Кожина А. А. Глагол <i>хотѣти</i> в исторической перспективе книжно-письменного языка..	81
Кречмер А. Г. В поисках языкового стандарта (теория и практика становления языковой нормы в сербской (и русской) письменности XVIII в.: сравнительный анализ)	91
Мечковская Н. Б. Почему в русском языке библейских фразеологизмов больше, чем в английском, словенском или польском, и почему русские библеизмы часто ироничны?	103
Норман Б. Ю. Об одном значении предлога <i>по</i> в болгарском языке (<i>по риза, по чорапи</i>)	113
Плотникова А. А. Южнославянская лексика традиционной народной духовной культуры в ареальном аспекте	120
Руденко Е. Н. Конкуренция концептуальных моделей на разных этапах развития южно- и восточнославянских языков...	133
Соболева Л. И. Экстралингвистические и концептуальные факторы формирования структурных свойств лексики обонятельных и вкусовых ощущений	143
Супрунчук Н. В. О взаимодействии грамматических категорий имени существительного в сербском языке	157
Суркова Е. С. К проблеме лингвоэпистемологического исследования текстов Кирилло-Мефодиевского корпуса	164
Штайнке К. Славянские меньшинства в Юго-Восточной Европе	172
Янович Е. И. К этимологии одного старославянского наречия	182
F. Bezlaĵ. Zbrani jezikoslovni spisi (<i>Климаў І. П.</i>)	185

Н. В. Супрунчук (Минск)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

При описании грамматических явлений обычно стараются проникать в их сущность, обнаруживать различные отклоняющие силы, вскрывать и устранять результаты воздействия одних категорий на другие. Это необходимо, чтобы полно и точно анализировать именно рассматриваемый объект, освободить его от контекстуальных, незакономерных, нетипичных изменений. Между тем само формирование грамматических категорий происходило через взаимодействие более грамматикализованных и менее грамматикализованных элементов языка, через взаимодействие с лексическими, фонетическими факторами. В речи грамматические категории также взаимодействуют друг с другом, выступают как связанные единства, а не изолированно. Как отмечал А.В. Бондарко, «“чистых” грамматических значений, свободных в их реализации от межкатегориального взаимодействия, нет» (Межкатегориальные связи 1996, 3).

В некоторых работах делались попытки представить традиционные окончания как членимые морфемные комплексы (т. е. выделялись «субморфы»). Тогда у каждой граммемы появляется собственный материальный носитель. Так, Р. О. Якобсон дробил окончания на самостоятельные показатели числа и самостоятельные же показатели падежа: «...носовая фонема служит приметой периферийных падежей, а шумные щелинные согласные – приметой объемных падежей: -х- – предложного, а -в- – родительного» (Якобсон 1985, 190). И далее: «В субстантивном склонении окончания всех периферийных падежей мн. числа начинаются с -а-; в адъективном склонении окончания всех падежей мн. числа, а также Т. ед. начинаются с -и-...» (там же, 191). Аналогичные попытки, и нередко убедительные, предпринимали А. А. Зализняк (Зализняк 2002, 545–549), Н.В. Котова и М. Янакиев (Котова 2001, 401–411). В их работах утверждается, что о множественном числе или о некотором падеже свидетельствует не окончание целиком, а его часть – отдельная фонема («субморф», «эпиморф»).

Однако большинство исследователей полагает, что в славянских языках несколько грамем выражается в пределах одного показателя, кумулятивно, а несколько грамматических значений часто заключены в одном морфе. Эти особенности считаются типичными свойствами флективных языков (см., напр., фундаментальный учебник (Плунгян 2000, 40–46, 234–235)). В этом случае проблема взаимодействия грамматических категорий требует рассмотрения в двух направлениях: представляют интерес, во-первых, иерархия грамматических категорий и, во-вторых, их влияние друг на друга, их совместимость.

Занимаясь проблемами иерархии, предполагают, что грамматические категории – неравноправные члены языка. Иначе говоря, доказывается, что есть категории более важные, а есть категории подчиненные, зависимые, второстепенные, ограниченные в каком-либо качестве. Предлагаем выделять четыре вида иерархии грамматических категорий и значений в зависимости: 1) от универсальности, распространенности в языках мира, 2) от степени типичности для данной части речи, 3) от соотношения граммем в рамках одной категории, 4) от принадлежности к «главной» части речи. Ниже приводятся ряды категорий, упорядоченные по указанным четырем параметрам.

Исследование представленности категорий в языках мира ведется уже давно. Ф. Боас, например, всеобщим считал различие субъекта и предиката, существительного и атрибута, глагола и наречия (Boas 1938, 133). Интересны и полезны списки универсалий в работах Б.А. Успенского, Л. Талми, И.А. Мельчука (Мельчук 1998) и др. С этой точки зрения можно предложить такую иерархию категорий существительного в сербском языке: число, род, одушевленность, падеж.

О втором параметре, т. е. о степени типичности той или иной категории для существительного, высказывались разные мнения (напр., известный спор о *медведе*: *медведь* потому существительное, что склоняется, или же *медведь* потому склоняется, что это существительное). В фортунатовской традиции конституирующим признаком считается падеж. «Другая концепция, ставящая во главу иерархии одушевленность, была выдвинута Фр. Шольцем...» (Ревзин 1969, 67). В. Пьянка предполагает, что все именные категории развились из оппозиции «активный участник (живые существа) – пассивный участник (неживые существа)» (Пьянка 2002). И.И. Ревзин в свое время указывал, что «категория числа оказывается ведущей категорией в плане содержания существительного, ибо 1) именно с ней связано значение предметности, 2) она организует семантическую классификацию существительных. <...> Расчлененность передается именно через категорию числа, то есть число делает существительное выразителем предмета в собственном смысле слова» (Ревзин 1969, 77–78). Он предлагал такую иерархию: число, падеж, одушевленность, род.

Относительно третьего параметра, соотношения граммем в рамках одной категории, можно выделять несколько видов иерархии в зависимости от признака классификации: основное значение граммемы, ее маркированность, частота, способность к передаче значения других членов категории, степень сохранности в «белом шуме», появление в ассоциативных реакциях, порядок усвоения детьми, последовательность утраты при афазиях и др. По концепции Р. О. Якобсона, более маркировано множественное число, чем единственное, женский род, чем мужской, предложный падеж, чем родительный, творительный и винительный, в отличие от совсем немаркированного именительного (Якобсон 1985).

Кроме трех предложенных видов иерархии, некоторые исследователи выделяют главные и подчиненные категории в зависимости от принадлежности к

главным и подчиненным частям речи. На роль «хозяина» чаще всего претендуют две части речи: существительные и глаголы. Вербоцентрическая теория представлена работами Л. Теньера, У. Чейфа, Б. Ю. Нормана, А. В. Бондарко, П. Пипера и др. и достаточно известна. Много сторонников также у противоположной точки зрения (А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, П. Ивич и др.). На современном этапе ее формулируют (Н. Г. Озерова и А. К. Смольская), к примеру, следующим образом: «Субстантивные категории передают главные мысли в процессе категоризации сложной языковой картины мира сознанием людей, которое разделяет окружающие предметы на одушевленных и неодушевленных, лиц и нелиц, исчисляемые и неисчисляемые» (Озерова 1996, 97).

Рассмотрим теперь некоторые примеры взаимодействия признаков и категорий в следующем порядке: влияние грамем числа на другие категории, влияние (не)одушевленности на другие категории, влияние рода и падежа – на другие категории. «Следует заметить, что в изучении функциональных взаимосвязей грамматических категорий остается много неясного. Так, например, остается открытым вопрос о том, какого рода сведения, извлеченные из конкретного речевого материала, могут служить указанием на взаимосвязь тех или иных грамматических категорий. Необходимо, чтобы в установлении факта взаимосвязей грамматических категорий учитывалась не только лингвистическая интуиция, но чтобы эти взаимосвязи могли быть подтверждены, так сказать, документально» (Пупынин 1990, 27). Предлагаемые ниже закономерности показывают, какие последствия наблюдаются при фиксации одной граммы для других грамем и категорий. Иными словами, мы попытаемся обнаружить факты, когда наличие граммы одной категории стимулирует или, наоборот, ограничивает появление граммы другой категории (или даже не одной граммы, а всех, т. е. блокируется категория целиком).

Так, во множественном числе в сербском языке различается меньше падежей, чем в единственном. По формам множественного числа нельзя определить, одушевленное существительное или нет (в отличие от русского и белорусского). Существительные *pluralia tantum* бывают только неодушевленными, не используются в счетном падеже и редко имеют средний род.

Влияние одушевленности на категорию рода легко наблюдать на примере конкуренции мужского и среднего рода новых заимствований. Согласно общему правилу, заимствования должны выступать в мужском роде, однако неодушевленность нередко приводит к расшатыванию этого правила и обуславливает появление среднего рода. Например: *...у тим разговорима био тек само наговештај, који можда још није био добио свој трагични финале...* (муж. род) 'В тех переговорах было лишь предостережение, которое еще не получило своего трагического завершения'. – *Најтиражнији норвешки дневник «Verdens Gang» наглашава да је финале било и изузетна реклама за Норвешку* (сред. род) 'Ежедневная норвежская газета «Верденс Ганг», обладающая самым большим тиражом, подчеркивает, что финал был и исключительной рекламой для Норвегии'.

Влияние одушевленности на род также проявляется в формах вокатива, диктуя выбор того или иного окончания, определяя если не возможность, то регулярность этой формы для конкретного существительного, и в формах аккумулятива – через синкретизм с номинативом или генитивом. У некоторых существительных среднего рода с неравносложной основой типа *ћебе*, *звонце* отсутствуют формы множественного числа, что также, вероятно, обусловлено одушевленностью.

От принадлежности к роду зависит, какие падежи будут омонимичны в той или иной парадигме. У существительных среднего рода (с неравносложной основой) редки формы множественного числа. Если существительное *pluralia tantum* имеет женский род, то оно неодушевленное. Одушевленные существительные среднего рода являются *singularia tantum*.

В рамках темы взаимодействия грамматических значений можно указать также на такие процессы, как маскулинизация и феминизация. Если ранее требовалось совокупное наименование существ обоих полов и предметов всех родов либо если пол или род были неизвестны, то для этого традиционно использовались формы мужского рода. Правда, в XIX в. в народной речи встречались и формы, подчеркивавшие род, напр. «*А ноћу доћу сусједи и сусједи, познаници и познанице, те чувају бабиње*» (В. Караджич)» (цит. по: Озерова 1996, 105). (Формы *сусједи* 'соседи', *познаници* 'знакомые' имеют муж. род; *сусједи* 'соседки', *познанице* 'знакомые' – женский род) Современному узусу такое раздвоение в целом чуждо, используются формы мужского рода (*сусједи, познаници*).

С другой стороны, под влиянием общемирового усиления (гипер)корректности в публицистике и официальных документах это разделение родов нередко начинает особенно подчеркиваться. Следует также указать, что словообразовательные системы сербского и хорватского языков благоприятствуют установлению подчеркнутого словесного равновесия партнеров, поскольку феминные суффиксы *-ица(a)*, *-ка(a)*, *-киња(a)* и др. продуктивны, регулярны и не имеют сниженной стилистической окраски, в отличие от соответствующих русских: *министарка* 'министр (женщина)', *професорка* 'преподавательница', *јунакиња* 'героиня', *товаришка* 'товарищ (женщина)': *Драге другарице и другови, желимо да вас обавестимо...* 'Дорогие товарищи (женщины и мужчины), мы хотим вам сообщить...' (из выступления Т. Петрушич, председателя («председательницы» (?) социал-демократической партии Сербии // www.sdu.org.yu/sdo/press.htm); *Учеснице конференције (парламентарке, чланице невладиних организација, експерткиње)* једногласно су закључиле да је у променјеним околностима неопходна и промена облика и метода политичког деловања жена 'Участницы конференции (женщины-парламентарии, женщины – члены негосударственных организаций, женщины-эксперты) единогласно приняли заключение, что в изменившихся условиях необходимо также изменение форм и методов политической деятельности женщин' (М. Пајванчић. Напомене о једној могућности успостављања институционалних механизма за родну једнакост // www.awin.org.yu/srp/arhiva/elbtext5.htm); *У овој школској го-*

дини уписано је 28 **ученика-ца**, а завршило разред 26 **ученика-ца** 'В этом школьном году поступило 28 учеников-ниц, а закончило обучение 26 учеников-ниц' (Летопис основне школе у Каленичком Прњавору //solair.eunet.yu/~sinisa/skola.html); По одласку учитељског пара Мусулин из Смедерева у Горној основној школи радили су многи **учитељи и учитељице**... 'После отъезда супружеской пары учителей Мусулин из Смедерева в Горной базовой школе работали многие учителя и учительницы...' (Школство у Смедереву // www.smederevo.cc/load2.php?page=obrazovanje); Први ефекат је то да су наши **домаћини и домаћице** били просто озарени чињеницом да је дошло толико жена различитих доба 'Первый эффект заключается в том, что наши хозяины и хозяйки были просто поражены тем фактом, что прибыло столько женщин разного возраста' (Б. Михајловић. Десет година живота за 15 дана //www.womenngo.org.yu/sajt/saopstenja/razgovori/nocni_razgovori_z_papic.htm).

Подобные феминные дериваты позволяют указать присутствие обоих полов более четко, явно, чем тонкое флективное различие *и* – *е* в согласованных адъективных формах типа *напржити* (мужской род) – *напржите* (женский род) 'вздорные' или причастных формах типа *китили* (мужской род) – *китиле* (женский род) 'украшали'.

Для категории падежа обнаружить подобные закономерности оказалось трудно. Кажется, нельзя построить ограничивающие импликации вида: «если слово *A*, стоит в падеже *x*, то оно среднего рода» или «если слово *B* не употребляется в падеже *y*, то оно неодушевленное (или это *singularia tantum*)». Падежные граммы свободно сочетаются со всеми остальными. Можно вести речь не о значимости какого-либо падежа, а лишь о некоторых материальных носителях как о маркерах граммем других категорий. Выше уже упоминались работы Р. О. Якобсона и др., где носителями тех или иных граммем объявлялись определенные фонемы (субморфы). Продолжая эту тему применительно к сербскому языку, укажем номинативное окончание *-о* как признак ед. числа, расширитель *-ов-* (*-ев-*) как признак мужского рода и множественного числа, *-м* как примету периферийных падежей множественного числа (Т. п. *жуборикама* 'осинами'; П. п. *клизачима* 'конькобежцах'). Известно также, что окончание ед. числа *-и* в сербском языке свидетельствует о женском роде. Нулевое окончание в сербском возможно только в ед. числа, в отличие от русского и белорусского, где оно встречается в обоих числах. Факт безразличия всех категорий к употребленному падежу важен для построения иерархии: поскольку от падежных граммем не зависит ни одна другая, но, наоборот, некоторые падежные граммы ограничены в проявлении со стороны, например, рода или числа, постольку падеж, следовательно, занимает подчиненное положение в иерархии.

Допустив, однако, большее привлечение семантики, удастся установить еще одну зависимость – между одушевленностью существительного и наиболее типичным для него падежом, точнее – видом актанта. Если разделить все глаголы на обозначающие активное действие (преобразователи), напр., *излити труп* 'выплавить корпус', *појести кајгану* 'съесть яичницу', и неактивное, напр., *ле-*

жати 'лежать', *oseћати* 'чувствовать, ощущать', то они будут по-разному взаимодействовать с существительными. При неактивном глаголе возможен лишь один актант – тот, которым обозначен субъект, и, значит, маркировать эту позицию незачем, поскольку при таких глаголах других позиций, где могли бы появиться омонимичные формы, нет. Следовательно, существительное при неактивном глаголе будет, вероятнее всего, стоять в номинативе. При активном же глаголе возможны как минимум два актанта: субъект (обычно номинатив) и прямой объект (обычно аккузатив). Итак, существует две позиции и два вида существительных (одушевленные и неодушевленные). Трудностей не возникает, однако, и тут, так как неодушевленной позиция субъекта активного действия чужда, в ней опять-таки типичны только одушевленные (историческое обоснование см., напр., (Пјанка 2002)). Значит, если при активном глаголе один актант одушевленный, а второй – нет, то в большинстве случаев распределение ролей между ними можно предсказать довольно точно (субъект – одушевленное, объект – неодушевленное). Маркирование необходимо лишь тогда, когда оба актанта одушевленные (или, редко, оба неодушевленные). В этом случае маркируется падеж прямого объекта, в сербском языке – аккузатив. Таким образом, номинатив (падеж субъекта) оказывается нечувствителен к категории одушевленности, в этой позиции она нейтрализуется. При разного рода переносах, метафорах в позиции субъекта возможен, безусловно, и неодушевленный агенс в номинативе. Тогда необычность позиции объекта для одушевленного участника отмечается, маркируется, окончанием в. п., отличающимся от и. п.

Итак, грамматические категории сербского языка вступают между собой в многообразные парадигматические и функциональные связи. Первые проявляются в иерархичности и асимметричности грамем и категорий в парадигме. Вторые – в случаях ограничения или стимулирования проявления одной категории в присутствии другой. «В целом исследование межкатегориальных связей в грамматике может дать существенные результаты для познания закономерностей формирования и восприятия языкового содержания высказывания в его отношении к передаваемому смыслу» (Межкатегориальные связи 1996, 4). Таким образом, становится ясно, что иерархия грамматических категорий – не искусственный прием, не просто тот способ, которым исследователь организует языковой материал для удобства описания, но некая внутренняя структура, свойственная семантике языка и важная для описания парадигм. Справедливо поэтому рассматривать одни категории как субкатегории по отношению к другим (напр., одушевленность и род, полнота/краткость и определенность/неопределенность, время и наклонение). Тогда реализация субкатегорий требует создания условий и выполнения определенных гарантий от категорий высшего ранга. Исследование грамматики в намеченном направлении выводит нас к проблемам встречаемости, употребительности, реальной представленности форм в текстах, что требует увеличения внимания к лингвостатистическим методикам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зализняк, А. А.* О показателях множественного числа в русском склонении // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 545–549.
2. *Котова, Н.* Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком / Н. Котова, М. Янакиев. – М. : МГУ, 2001. – 889 с.
3. Межкатегориальные связи в грамматике / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 231 с.
4. *Мельчук, И. А.* Курс общей морфологии [в 5 т.]. – М. : Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 1998. – Т. 2. – 544 с.
5. *Озерова, Н. Г.* Формально-семантична взаємодія субстантивних категорій в аспекті функціональної граматики / Н. Г. Озерова, А. К. Смольська // Мовознавство. – 1996. – № 2-3. – С. 97–106.
6. *Пјанка, В.* Потеклото и развојот на граматичката категорија род во словенските јазици // Македонски јазик. – 2002. – Год. 53. – С. 27–53.
7. *Плунгян, В. А.* Общая морфология. – М. : УРСС, 2000. – 384 с.
8. *Пупынин, Ю. А.* Функциональные аспекты грамматики русского языка. – Л. : ЛГПИ, 1990. – 79 с.
9. *Ревзин, И. И.* Об иерархии грамматических категорий в славянских языках // Сов. славяноведение. – 1969. – № 3. – С. 66–78.
10. *Якобсон, Р. О.* Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон Р. О. Избр. работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 176–197.
11. *Boas, F.* Language // General Antropology / ed. by F. Boas. – N. Y. : D.C. Heath and Co, 1938. – P. 124–145.